

Моему отцу Чарли Маррсу, номеру 574

Человек выбирает зло не потому, что это зло; он ошибочно принимает его за счастье, которое ищет.

Мэри Уолстонкрафт¹

¹ Мэри Уолстонкрафт (1759–1797) — английская писательница, философ, борец за права женщин, мать Мэри Уолстонкрафт Шелли, автора романа «Франкенштейн, или Современный Прометей».

Пролог

Он вытянул шею, чтобы заглянуть в непроглядную черноту за устьем тоннеля. Сам не знал, что ожидал увидеть в этой темноте, но тем не менее всматривался, сощурившись.

Потом повернул голову, чтобы окинуть взглядом платформу станции подземки. Прямоугольные щиты высотой от пола до потолка, висящие на изогнутых стенах, рекламировали экзотический отпуск на белом песчаном пляже. Другие предлагали купить матрасы, обещающие подарить лучший сон в его жизни. Однако в крови бурлило так много адреналина, что менее всего он сейчас мог думать про сон и отдых.

Часы на панели над устьем тоннеля сообщили ему, что следующий поезд прибудет через четыре минуты. Это казалось невероятно долгим ожиданием здесь, в замкнутом пространстве, глубоко под землей, особенно в окружении такого множества людей. Во рту уже пересохло, кожу начало покалывать, поэтому он пустил в ход то, чему научился на курсах медитации в Центре ментальных практик в Северном Лондоне. Шестинедельный курс стоил небольшого состояния, однако это помогало взвинченному мозгу не думать обо всем сразу, а вместо этого сосредоточиться на чем-то одном. Это также дало средства для того, чтобы удерживать закрытой крышку на сосуде его ярости — ярости, которая постоянно норвила закипеть и перелиться через край.

Правая рука, скрытая под бандажом и подвешенная на груди, начала неметь. Ему хотелось извлечь ее и размять пальцы. Вряд ли кто-то заметил бы, что именно он прячет, — вокруг было слишком много пассажиров, занятых исключительно своими делами. Но до этого момента он тщательно избегал любого ненужного риска — и не собирался рисковать теперь, будучи так близко от цели.

Согласно информации на сайте Лондонского транспортного управления, на линии Дистрикт велись стандартные технические работы по проверке путей. В результате поезда ходили реже, а вот пассажиров меньше не стало, и потому на платформе было многолюднее, чем обычно. Он видел, что люди стоят вдоль всей платформы в пять-шесть рядов. Слышал, как персонал станции переговаривается по рациям с коллегами, дежурящими наверху, требуя ограничить вход до прибытия поезда, который увезет скопившуюся внизу толпу. Прикинул, что такая загруженность станции может сыграть ему на руку.

Посмотрев из стороны в сторону и удовлетворившись тем, что успешно смешался с толпой, он вновь обратил взгляд на того, кто стоял прямо перед ним, — на того, за кем он шел сегодня после обеда от самого дома преследуемого. Он стоял так близко к Стефану Думитру, что чувствовал тепло, исходящее от его мощного тела. За последние пять месяцев они нередко оказывались рядом друг с другом — но никогда настолько близко. Даже тогда, когда он побывал дома у Думитру.

Только сейчас, стоя почти вплотную, он смог оценить, насколько Думитру широкоплеч и мускулист. Он весил по меньшей мере шестнадцать стоунов, возможно, даже семнадцать; рост его достигал шести футов и четырех дюймов¹, и вся его фигура была словно вытесана из гранита. Цветные татуировки начинались от костяшек пальцев и тянулись вверх по руке, точно плющ, обвивший толстую ветку, и достигали шеи, обрываясь

¹ Т. е. вес от 100 до 108 кг, рост примерно 193 см.

прямо под квадратным подбородком. Он подумал, что не может допустить даже малейшей ошибки, имея дело с Думитру. Чтобы план увенчался успехом, нужно действовать четко и в строго определенный момент.

Думитру не стоял спокойно на месте — он переступал с ноги на ногу, и всякий раз, когда он крутил головой, мышцы на его плечах шли рябью, словно вода в пруду от брошенного камешка.

Он снова посмотрел на часы. Крупные желтые цифры показывали, что осталось три минуты. Свободной рукой он достал из кармана бумажный платок и аккуратно промокнул капли пота, выступившие на лбу. Он не мог сказать, отчего так горит кожа — то ли от жары, то ли от клаустрофобии, то ли от нервозности, вызванной ожиданием.

За весь вечер он ни разу не отошел от Думитру дальше чем на несколько метров. Даже когда Думитру оставался у себя дома, в двухэтажном викторианском здании за закрытой дверью, преследователь сидел в машине, припаркованной возле дома, и наблюдал. Здание было разделено на две съемные квартиры. Наблюдателя удивило плохое состояние этого дома. По стеклу в окне второго этажа тянулась длинная вертикальная трещина, а крошечный садик был усеян окурками и банками из-под дешевого пива.

Несмотря на то что Думитру явно не стремился поддерживать свой дом в порядке, пунктуален он был настолько, что по нему можно было сверять часы. Каждый день ровно в 17.20 со стуком закрывал за собой входную дверь. Одетый в одни и те же выцветшие джинсы и футболку, покрытую белыми и розоватыми пятнами от штукатурки, которую он наносил на стены, быстрым шагом направлялся к метро — этот путь занимал у него десять минут. Если ветер дул от него в сторону наблюдателя, тот иногда улавливал запах дешевого дезодоранта или лосьона для бритья — но ни то ни другое не могло замаскировать терпкий запах тела Думитру, настолько въевшийся в одежду, что от него не избавляла никакая стирка.

Наблюдатель знал, что Думитру нанялся рабочим в реновационный проект в центре Ноттинг-Хилла в Западном Лондоне, оценивающийся в миллионы фунтов стерлингов. Перестраиваемый дом принадлежал бывшей звезде брит-попа, и, согласно документам по перепланировке, которые видел наблюдатель, под изначальным подвальным помещением были выкопаны еще два, более обширных, отчего дом превратился в некое подобие айсберга. Теперь шла финальная стадия отделки, и Думитру всю ночь штукатурил, выравнивал и грунтовал стены.

Думитру был не только пунктуален, он еще и следовал привычкам и неизменно выбирал для ожидания одно и то же место на платформе — у самого устья тоннеля, там, где останавливался последний вагон. Благодаря мощному телосложению и дерзкому поведению он без труда проталкивался в первый ряд — если только пассажиры сами не расступались, словно воды Красного моря, под его угрожающим взглядом.

Часы показали, что осталось две минуты, и сердце наблюдателя ускорило бег.

Он сделал глубокий вдох и в очередной раз почувствовал кислый запах тела Думитру. На языке остался неприятный привкус. Он почувствовал, как струйка пота стекает между лопатками по спине до пояса трусов.

Неожиданно Думитру сделал шаг назад, вероятно, решив, что стоит слишком близко к краю платформы.

— Моя нога, идиот! — рявкнул мужчина, стоящий позади и чуть слева от него.

Думитру повернул голову и злобно уставился на него, видимо, полагая, что грозного вида хватит, чтобы пресечь конфликт на корню.

— Ты звал меня «идиот»? — переспросил он на ломаном английском.

Но оппонент явно не собирался отступить.

— Да. Убирайся к себе домой! — прорычал он.

Несмотря на крепкое сложение, этот мужчина был заметно ниже Думитру. Однако если б кто-то из них

решил начать драку, им пришлось бы нелегко. На запруженной народом платформе не хватило бы места, чтобы размахнуться для хорошего удара. И все же они продолжили ссору.

— Что сказал? — спросил Думитру, в то время как часы вели обратный отсчет — от двух минут к одной. Противник ничего не ответил, поэтому Думитру отвернулся от него и что-то проворчал на родном языке.

Наблюдатель сосредоточился, боясь, что нервы у него сдадут сейчас, когда цель так близка. Ноги начали дрожать вопреки его воле, поэтому он закрыл глаза и начал медленно считать в обратную сторону — от пяти до одного. Сейчас или никогда.

Он извлек из бандажа правую руку и опустил ее так, чтобы никто не видел. А потом, собрав все силы, вонзил шприц в левую ягодицу Думитру и нажал на поршень, прежде чем выдернуть иглу. Все заняло чуть больше секунды.

— *La dracu!*¹ — взревел Думитру, и все посмотрели в его сторону. Он схватился за ягодицу и повернулся всем корпусом, чтобы увидеть напавшего. Пассажиры, которых он толкнул при этом, повалились друг на друга. На лице мужчины, с которым Думитру повздорил до этого, проявилась тревога: он оценил рост и силу своего противника.

— Что ты мне делал? — заорал Думитру. Мужчина, ничего не понимая, выкрикнул в ответ:

— О чем ты?

И тогда Думитру отвел руку назад и сжал кулак, намереваясь ударить.

Подлинный напавший так и стоял, пряча шприц в ладони; взгляд его привлек белый свет фар поезда, мелькнувший в глубине тоннеля. Он отчаянно надеялся на то, что его расчет окажется верным. И когда Думитру заколебался, так и не нанеся удар, он получил ответ на свой вопрос.

¹ Твою мать! (румьнск.)

Сначала глубоко посаженные глаза Думитру забежали из стороны в сторону, потом занесенная рука упала и безвольно повисла вдоль бока. Затем голова его качнулась вперед, прежде чем он с усилием вскинул ее. Чувствуя, что начинает заваливаться назад, переступил ногами, пытаясь сохранить равновесие. Однако это произвело совершенно противоположный эффект, заставив тело наклониться сильнее.

Поезд, подвезжающий к платформе со скоростью тридцать миль в час, явился Думитру не ярким светом фар и не визгом металла от соприкосновения колес с рельсами. А ударом кабины машиниста о плечо, швырнувшим вперед, а затем увлекшим в темноту под колесами. Поезд резко остановился, скрипя тормозами, и пассажиры в вагонах повалились друг на друга, словно тряпичные куклы.

Человек, ответственный за гибель Стефана Думитру, так и стоял на одном месте. Он вновь воспользовался тренировкой сознания, чтобы впитать все происходящее. Пронзительные крики, разносящиеся по станции; перестук высоких каблучков по бетонным ступеням лестницы, ведущей наверх с платформы; смрад паленой резины от спешно нажатых тормозов — человек вбирал в себя все это. Он молча смотрел, как люди отступают назад, отчаянно стремясь избежать запаха смерти, пока он не впитался в их одежду. Он наблюдал за тем, как другие бросаются на помощь Думитру, падают на четвереньки, дабы заглянуть под поезд в поисках признаков жизни. Но этих признаков не должно быть, он в этом уверен.

Он прикусил внутреннюю поверхность своих щек и крепко сжал зубы, чтобы помешать губам растянуться в победной ухмылке.

Спешно прибывшая бригада транспортной службы ворвалась на платформу и приступила к делу, препровождая его и других пассажиров к выходу. Снаружи персонал станции указывал людям, как пройти к другим линиям метро или автобусным остановкам, однако он сам

знал, куда направится теперь. Сначала перешел дорогу и немного постоял, приходя в себя. Закрыв глаза и подставив лицо солнечным лучам, сделал несколько глубоких очищающих вдохов.

Думитру был первым, кого он убил в своей жизни. И хотя хотелось снова и снова проигрывать каждую секунду этого события, пока оно еще свежо в памяти, у него не было такой роскоши, как лишнее время. Потому что менее чем через полтора часа предстояло отправиться на второе свое убийство.

ГЛАВА 1

Изначально внимание Бекки привлек не резкий скрип поездных тормозов, а громкие голоса и крики.

Она подняла взгляд от игры, в которую играла на своем телефоне, и повернулась к противоположному концу платформы, чтобы посмотреть, откуда доносится шум. Поезд подземки экстренно остановился, не проехав и четверти пути вдоль платформы.

Бекка выдернула из ушей наушники, оставив их свисать на плечи, и пронаблюдала, как волна пассажиров откатывается назад от края платформы.

Первым побуждением Бекки было протолкаться сквозь толпу и узнать, в чем причина такого смятения. Но людей вокруг было слишком много, они не давали ей сделать ни шагу вперед — более того, толкали назад, стремясь к выходу, расположенному у нее за спиной. Один мужчина врезался в нее плечом и оттолкнул к стене — так, что Бекка слегка ударилась головой, прикусив кончик языка. Она беззвучно выругалась, проверяя, не пострадали ли зубы.

Поезда не останавливаются так резко без веской причины. В последние годы в городе произошло несколько терактов — в том числе и в подземке. Каждый лондонец, пользующийся общественным транспортом, знал, что может стать жертвой такого теракта, но тем не менее этого риска было не избежать. Бекка мысленно пробежалась по списку потенциальных причин пани-

ки, однако, поскольку отступление пассажиров было спешным, но не истеричным, а вся суета сосредоточена вокруг одного крошечного пятка, терроризм можно было исключить.

Вместо этого логично было предположить, что кто-нибудь, возможно, упал на рельсы. Бекка продолжала стоять на месте, глядя, как сотрудники Лондонского транспорта, одетые в красные жилеты поверх синей формы, проталкиваются навстречу людскому потоку к месту происшествия. Воспользовавшись случаем, Бекка направилась следом по расчищенному ими пути.

Она видела, как некоторые пассажиры взбегают по лестнице справа от нее, перескакивая через две ступеньки, — так сильно они спешили покинуть станцию. Те, кто оставался возле поезда, всматривались куда-то под днище вагона, в то время как другие, пригнувшись или присев на корточки, что-то выкрикивали. Несколько стервятников снимали происходящее на смартфоны.

— Леди и джентльмены, — донесся из динамиков системы оповещения низкий мужской голос, — из-за несчастного случая с пассажиром поезд дальше не пойдет. Просим вас в целях вашей безопасности как можно скорее освободить платформу. Персонал станции направит вас к ближайшему выходу.

Бекка заметила, что машинист вышел из кабины и двинулся вдоль платформы; потом его голова скрылась из виду, когда он нагнулся, чтобы заглянуть под второй вагон. Потом выпрямился и закрыл лицо руками — и Бекка поняла, что ее подозрения подтвердились.

— Извините, вам сюда нельзя... — начала девушка в форме Лондонского транспорта.

Бекка предъявила полицейское удостоверение.

— Детектив-сержант Бекка Винсент. — И направилась к группе, столпившейся вокруг вагона. — Что произошло? — спросила она, снова показывая удостоверение.

— Человек на путях, — отозвался работник станции, чья голова была увенчана синим тюрбаном. На бейджике у него было написано «Дев».